

«ТЕБЕ – ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ» И ПОЛСТОЛЕТЬЯ СПУСТЯ
(обращение к читателю М.Цветаевой и Д.Воденникова)

Лирика М. Цветаевой часто обращена к читателю (воображаемому, имплицитному, внутреннему, реальному), многие ее стихотворения построены как диалог. Стремление к коммуникации проявляется на разных уровнях и является важной отличительной чертой поэзии Цветаевой. Творчество Д. Воденникова также отличается установкой на повышенную коммуникативность, что обусловлено его представлениями о реализации поэта в современном обществе, особенностями его индивидуального стиля и языка.

В 1919 году в возрасте 27 лет Цветаева пишет стихотворение «Тебе – через сто лет», обращенное к провиденциальному читателю, идеальному читателю-другу, соответствующему ее представлениям о том, каким он должен быть. В 2001 году Воденников, в возрасте 33 лет пишет стихотворение «И чтобы жизнь твоя всю жизнь стоймя стояла...», которое является тоже обращением к своему идеальному читателю, но и полемикой с Цветаевой.

Адресация Цветаевой совершенно конкретна и выражена уже в заглавии «Тебе – через сто лет». В первой же строфе это «тебе» конкретизируется:

К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, –
Из самых недр, – как на смерть осужденный,
Своей рукой – пишу.

(I, 481)

Можно понимать это как обращение Поэта через сотню «разъединяющих лет» к будущим поколениям, которые поймут его и полюбят, но прочитывается стихотворение и несколько по-другому. Оно обращено к тому единственному мужчине, который будет жить через сто лет, и который забудет все ради нее, всю свою жизнь построит вокруг нее. Он «ей служил служеньем добровольца! // Все тайны знал, весь склад ее перстней!», он знает о том, что «– Все восхваляли! Розового платья // Никто не подарил!» Он – друг («подчеркивается именно интимная, но не творческая связь), который многое знает о поэте. О нем же неизвестно почти ничего»¹. Он – сосуд, наполненный до краев восхищением и любовью. Как заметила А. Саакянц, «смысл стихотворения перешагнул через его замысел, древний, как сама поэзия. Женщина, которую столь мало и *не так* любили на земле, но которую – она это знает! – будут любить, когда ее не станет. Она восторжествует посмертно: у того, «через сто лет», она будет единственной желанной и возлюбленной»². Ради этого полного торжества, ради

восстановления справедливости судьбы и затеян этот диалог, преодолевающий время:

– Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
– Ртом не достать! – Через летейски воды
Протягиваю две руки.

Стихотворение Воденникова, обращенное к идеальному читателю, имеет своеобразное посвящение: «полстолетья спустя // без посвящения», сразу отсылающее к стихотворению Цветаевой, но и указывающее на отсутствие конкретного и единственного адресата или на нежелание автора обречь того, единственного на подобную участь.

Первая строфа, выделенная прописными буквами, – это заданная тема, голос поэта, каким он будет слышен читателю через полстолетья, голос в ареоле мифа, созданного всей жизнью и творчеством, тот посыл, который может быть вычитан в стихах и воспринят читателем, тот гул, который будет стоять у него в ушах, подталкивая его к действиям «служенья добровольца»:

И ЧТОБЫ ЖИЗНЬ ТВОЯ ВСЮ ЖИЗНЬ СТОЙМЯ СТОЯЛА
ОДНИМ УПРУГИМ И ЦВЕТУЩИМ КУБОМ,
И ЧТОБЫ ВСЕ ЭТО ТВОЕЙ МОГИЛОЙ СТАЛО,
НО ТОЛЬКО Я ТВОЕЙ МОГИЛОЙ БУДУ³.

Эта строфа воспринимается как эпитафия, но, как мы увидим дальше, это – эпитафия-антитеза.

Вторая строфа в стихотворении Воденникова перекликается с начальными строфами Цветаевой и в тоже время четко обозначает его собственную позицию:

Это я –
в середине весны, в твердой памяти, в трезвом уме,
через головы всех,
из сухого бумажного ада –
это я – так свободно –
к тебе обращаюсь,
к тебе,
от которого мне – ничего, кроме жажды не надо.

Сходство обращений («к тебе» – «к тебе», «своей рукой – пишу» – «к тебе обращаюсь»), совпадение отдельных слов («мне в могилу – в ад» – «из сухого бумажного ада», «глаза твои я вижу, // Пылающие» – «ничего, кроме жажды не надо») отсылает к тексту Цветаевой, но нарушается разностью временных векторов. У Цветаевой – послание из дня нынешнего, трансформированное в посмертное послание из небытия, из могилы, через сто лет. У Воденникова

тоже послание из дня нынешнего, но закрепленное на уровне жизненного существования («из сухого бумажного ада», «полстолетья спустя»). Он сознательно ограничивает срок появления своего идеального читателя рамками человеческой жизни, разделяя провозглашенный Цветаевой срок на два. Но и это кажется ему слишком долгим периодом:

*Только что ж ты так долго,
так долго навстречу идешь,
только что ж это я –
так безропотно – ждать не умею.*

Современная жизнь с ее изменившимся темпом не располагает к спокойному ожиданию будущего признания, к писанию в стол. Мало знать, что «стихам, как драгоценным винам // наступит свой черед» (I, 178), нужно стремиться приблизить это время и вписать его в рамки собственной жизни. И поэт вполне в состоянии сделать это. Такова установка многих современных писателей.

Здесь нужно сказать, что трагедия Цветаевой во многом заключалась в том, что она была лишена почти всю жизнь своего читателя (отсутствие регулярного печатания в России и отсутствие читателя в эмиграции). Конечно же, и у нее были понимающие, чуткие читатели, но ей не хватало желаемого контакта, постоянного отклика. Она писала, что в ней отсутствует литератор, эта общественная функция поэта. Воденникову в этом смысле повезло значительно больше. Его поклонники уже при жизни называют его гением. И он достаточно интенсивно занимается собственным пиаром: придерживается определенного образа, который привлекателен для читателей, выступает в литературных клубах, имеет собственного фотографа, личный сайт в интернете, страницу в Живом журнале, где он активно общается с читателями. И все же чувство непонятости и одиночества заставляет поэта «через головы всех» обращаться к тому, кого нет в действительности, но кто, он уверен, придет в будущем:

*Потому что сейчас –
через почки и глыбы идя,
из-под почек и глыб – я сейчас так отчетливо знаю,
что из всех претендентов
ты – всё ж таки выбрал – меня,
потому что я старше тебя и себя защищать не желаю.*

Его идеальный читатель тоже защитник: «Это *ты* полстолетья спустя – // *ты* с меня соскребешь эту ложь». Но далее никаких мстительных помыслов о проклятьях, презрении, возмездии другим, недооценившим, непонявшим, а только нежность, жалость и полная открытость навстречу в своей незащищенности: «и возмёмшь, // как тюльпан, как подростка, за мою лебединую шею». Кроме того, здесь прочитывается и противоречие с

началом стихотворения, с той строфой, где звучал наказ читателю. Там – обобщенный голос большого поэта, неизменно находящего самоотверженных поклонников, подчиняющих всю свою жизнь служению ему. Здесь – живой голос поэта, пытающегося преодолеть канонизированный образ, миф, побудить услышать слова живущего, его подлинные ожидания от своего читателя, пусть и будущего.

Метафоры из области весеннего пробуждения природы подчеркивают силу стихии жизни, заставляющую переосмыслить свое отношение к другому, в том числе и к читателю:

О, как тужатся почки в своем воспалённом гробу,
как бестыже они напряглись, как набухли в мохнатых могилах –
чтобы сделать всё то, чего я – *не хочу, не могу,*
не желаю, не буду,
не стану, не должен,
не в силах.

Здесь также возникает сложный образ, построенный на противопоставлении формы и содержания, объема и наполняющей его сущности. Таковой является почка, заключенная в свою оболочку и разрывающая ее, чтобы прорасти и жить дальше. Если в стихотворении Цветаевой будущий поклонник – это сосуд, наполненный ею до краев, но в то же время тоскующий и неутоленный, потому что ему остается только один выход – хранить свою наполненность, т.е. статика, то у Воденникова читатель – почка, которая непременно переполнится содержимым и взорвется, распустится, прорастет. Поэт, творческий человек полностью сосредоточенный на своем мире, эгоцентрик, в своей корысти, нужде в любви и поклонении не желающий отпускать читателя в свою жизнь, все же делает это:

Вот и я –
отпускаю тебя – из прохладной своей пустоты,
потому что никто (даже я) на тебя этих прав – не имеет.

Как написал Воденников: «Потому что нельзя наполнять собой никого. Хотя и хочется. Это нечестно. Поэтому я и отказываюсь от этого. Сам. Это был мой выбор: я стал задыхаться при мысли, что кто-то будет бредить мной, а меня уже нет, а его жизнь уйдет, и он ее не проживет, как свою собственную»⁴. Он сам научил своего читателя «как *действительно* надо – навстречу любви прорасти, // как *действительно надо* – всей жизнью – цвести и вертеться». Читатель Воденникова – самодостаточная личность, он не отказывается от своей жизни ради чужой. Именно таким хочет видеть его поэт.

Оба стихотворения являются посланиями к своему провиденциальному читателю. Здесь присутствуют обращения, просьбы, пожелания, диалог. Но

если у Цветаевой диалог состоит из реплик двух сторон (она пытается показать реакцию своего воображаемого собеседника), то у Воденникова диалог принципиально закрытый, предполагающий в первую очередь понимание заявленного адресата. В обоих случаях читатель оказывается неким подобием автора, адресат и пишущий взаимоотражаются. Мы знаем страстную любовь Цветаевой к М. Башкирцевой, Наполеону, герцогу Рейхштадскому, А. Блоку, С.М. Волконскому, ее способность не только полностью отдаваться чувству и преклоняться перед другой личностью, но и практически чем-то жертвовать в своей жизни ради другого. У Воденникова иной подход к любимым поэтам, одним из которых является Цветаева. Ее стихи, наполняя его, не поглощают.

Показательны концовки стихотворений. У Цветаевой, строящей диалог на протяжении всего стихотворения, в последней строфе не просто отсутствуют его формальные признаки, но она, по сути, уже обращается сама к себе:

Сказать? – Скажу! Небытие – условность,
Ты мне сейчас – страстнейший из гостей,
И ты откажешь перлу всех любовниц
Во имя той – костей.

«Иное пунктуационное оформление строфы, где сохраняются лексические средства, присущие диалогу, раскрывает авторскую позицию: диалога не получилось»⁵. В 1921 году Цветаева пишет стихотворение «Роландов рог», где, признавая невозможным взаимопонимание в мире людей, закрепляет «авторскую концепцию своих отношений с пространством истории и иным пространством, «небесными пустотами», где располагался ее истинный адресат. Временная разъединенность говорящего и адресата была теперь окончательно замещена пространственной, и одиночество, «сиротство» автора оказывалось преодолимым не «через сто лет» а через перемену системы координат, в которую он себя помещал»⁶:

Стою и шлю, закаменев от взлёту,
сей громкий зов в небесные пустоты.
(II, 10)

Стихотворение Воденникова заканчивается обращением к читателю, но в отличие от начала стихотворения, это подлинный голос поэта и его выстраданное решение:

И не важно, что, может быть, я
Всё, что есть у меня, – отпускаю.

Эта жизнь и могила – твоя.
Золотая она, золотая.

Несмотря на все свое нетерпение, на желание встретить идеального читателя при жизни, он все же в результате отказывается от полного поглощения личности другого человека, для него важнее подлинное понимание. Такое завещание оставляет поэт своему читателю, таким путем он его направляет, и читатель, как и у Цветаевой, выполняет его волю, т.е. угадывает и исполняет его желание. С одной стороны, такой читатель – «страстнейший из гостей» (обретение путем отказа), с другой – мы опять сталкиваемся с вечным разминовением и непреодолимым одиночеством. А «небесный адресат» постоянно присутствует в стихах Воденникова, не отменяя реального. Сам поэт в эссе «Еще одно необходимое пояснение» говорит: «...Когда я пишу, то у меня есть две цели, два адреса. О первом я и говорить здесь не собираюсь (это бессовестно), а второй это – вы. Это не значит, что всех вас я тоже вижу. Но это значит, что всех вас я имею в виду»⁷.

Рассматриваемые стихи Цветаевой и Воденникова имеют много общего на композиционном и пунктуационном уровнях. Стихотворение Цветаевой строится по принципу контраста, который выражен на лексическом уровне употреблением антонимов, как обычных, так и контекстуальных («На встречах женщин – тех, живых, счастливых, – // Горжусь как смотришь» – «Все мертвы вы! // Она одна жива!»). В стихотворении Воденникова контраст проявлен на уровне темы и образного ее решения, а на лексическом уровне преобладают контекстуальные синонимические выражения («В твердой памяти, в трезвом уме», «не хочу, не могу, // не желаю, не буду, // не стану, не должен, // не в силах») и синтаксические повторы. Стихи примерно одинаковы по объему: у Цветаевой – 11 строф, у Воденникова – 10, но в стихотворении Воденникова почти каждая строфа – отдельная пронумерованная часть целого. В обоих текстах преобладающий знак препинания – тире. У Цветаевой (если считать заголовки и позиции прямой речи) он встречается 27 раз, у Воденникова – 25. Функции тире в стихах и сходны, и различны. Если у Цветаевой основные его функции – контрастивно-отождествительная, контрастивно-уточняющая и причинная, то у Воденникова, помимо названных функций, тире является основным средством эмоционально-интонационной выразительности, наряду с такими графическими элементами как курсив и выделение слов прописными буквами. У Цветаевой часто эту роль выполняет восклицательный знак (в 11 строфах – 19 восклицательных знаков, у Воденникова – ни одного).

Все уровни организации текста отражают своеобразие авторов, особенности их индивидуальных стилей. Но стихотворение Цветаевой является для произведения Воденникова пратекстом, носителем темы, сюжета, идеи, причиной полемики и поводом для ответа. Такую стратегию работы с чужими текстами выбирала не однажды и сама Цветаева. Она, во всем отстаивая свою самостоятельность и неповторимость, благоговела перед чудом личности и свое отношение к неординарным людям трансформировала на идеального читателя. Воденников, всю жизнь говорящий о необходимости проживания каждым именно своей

неповторимой жизни, не взирая на любые обстоятельства, соединил свой читательский опыт (сам в роли идеального читателя) и творческий и создал своего идеального читателя, отразившись в этом образе. Его полемика с Цветаевой – не просто переключка, повод для индивидуального высказывания, но и декларация собственной стратегии поведения и творчества.

¹ Бутов Р.Н. Пунктуационное оформление стихотворения М. Цветаевой «Тебе – через сто лет» // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.2. Воронеж, 2002. С.184.

² Саакянц А. Маринв Цветаева. Жизнь и творчество. М., 1997. С.180.

³ Воденников Д. Мужчины тоже могут имитировать оргазм. М., 2002. С.8.

⁴ Из личной переписки с Д.Воденниковым.

⁵ Бутов С. 184.

⁶ Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М., 2002. С.176-177.

⁷ Воденников Д. Как надо жить – чтоб быть любимым. М., 2001. С.28.

Опубликовано: «Добро и зло в мире М. Цветаевой» XIV Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9-12 октября 2006 г.). Сборник докладов. С.439-446. А так же: http://vodennikov.ru/press/aleshka_tebe_cherez_sto_let.htm